

С Т А Т Ь И

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ПОРАЖЕНИЯ: Н.М. НИКОЛЬСКИЙ В БОРЬБЕ
ЗА ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ
ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ*

© 2018

С. Б. КРИХ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Статья рассказывает о дискуссии между двумя советскими академиками — В. В. Струве и Н. М. Никольским — по проблеме общественного устройства древневосточных обществ. Н. М. Никольский отстаивал точку зрения, согласно которой общества Древней Месопотамии были феодальными, и раскрыл много слабых сторон в рабовладельческой концепции древневосточных обществ, разрабатываемой В. В. Струве. Но для следующих поколений вклад Н. М. Никольского оказался забытым. Основными причинами этого послужили географическая отдаленность Никольского, жившего и работавшего в Минске, от востоковедных центров Москвы и Ленинграда и слабость его стратегии защиты своих взглядов как с теоретической, так и с фактической точки зрения.

Ключевые слова: советская историография древности, рабовладельческая формация, марксизм.

DOI: 10.7868/S0869190818010028

ACADEMICIAN NIKOLAI M. NIKOLSKII AND THE STRUGGLE FOR
UNDERSTANDING OF THE SOCIAL SYSTEM OF THE ANCIENT NEAR
EASTERN SOCIETIES

Sergey KRIKH

Dostoevsky Omsk State University, Omsk,
Russian Federation

The article represents the story of the discussion between two Soviet academicians: Vasilii Struve (1879–1965) and Nikolai Nikolskii (1877–1959) on the problem of social system in Ancient Near Eastern societies. Nikolskii argued for feudalism in Ancient Mesopotamia and discovered many drawbacks in Struve's slave system conception. But the next generations did forget Nikolskii's role in formulating these ideas. The main reasons for it were geographical location of Nikolskii in Minsk, not in Moscow or Leningrad, and weakness of his discourse as well as his theoretical and factual errors.

Keywords: Soviet historiography of the Ancient World, slave-owned formation, Marxism.

КРИХ Сергей Борисович — доктор исторических наук, доцент, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. krikhdwh@gmail.com.

Sergey KRIKH — PhD (in History), Professor, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation; krikhdwh@gmail.com.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-223.2017.6.

Неудача в науке — понятие всегда относительное. Если бы ученый не добился в своей деятельности вообще никаких важных результатов, то о нем бы вовсе не вспоминали, поэтому настоящие неудачи, которые радуют соперников и помнятся потомкам, — всегда спутники тех героев, кто уже во многом реализовал себя. Относительность неудачи — серьезный аргумент для того, кто ее изучает, ведь это неотъемлемая часть истории науки, через нее можно многое узнать и об ученом, и о научной корпорации, и обществе в целом в тот или иной исторический период.

С этой точки зрения судьба Николая Михайловича Никольского (1877–1959) — классический пример указанной взаимосвязи. Личность эта была безусловно примечательная, с крепким и решительным характером, а в исторической науке о нем следует в первую очередь говорить как о настоящем труженике — черта, которая всегда должна сопровождать талант, и талант историка здесь совсем не исключение. Сын знаменитого и знакомого для России исследователя — Михаила Васильевича Никольского (1848–1917), первого русского ассириолога, издавшего уникальную для своего времени подборку аккадских и шумерских документов [Никольский М., 1908–1915], Николай Михайлович окончил Историко-филологический факультет Московского университета в 1900 г., рано заинтересовался марксизмом¹, и хотя его материалистический подход к анализу библейских сюжетов смог полностью развернуться уже после прихода советской власти, но и до 1917 г. он успел выпустить ряд популярных работ по восточной истории, переводов зарубежных трудов по истории религии и внести вклад в развитие исторического образования, много лет преподавая в женской гимназии О. Ф. Протопоповой.

В первые, крайне голодные годы новой власти он сначала работал в Педагогическом институте в Смоленске, в том числе был его ректором. В 1921 г. Никольского пригласили в Минск — тогда практически пограничный город — в новый университет, в котором он проработал до 1953 г. Через десятилетие после переезда в Минск Николай Михайлович стал академиком Белорусской академии наук, а в 1947 г. и членом-корреспондентом АН СССР. В конце 1946 г. в переписке с А. Б. Рановичем обсуждалась возможность его переезда в Москву [НА ИРИ РАН, ф. 41, письмо от 27.12.1946]. Карьера Н. М. Никольского вовсе не была безоблачной и за почти четыре десятилетия советской власти пережила несколько опасных поворотов, включая беллетристическую историю с уходом к партизанам из оккупированного Минска и последующей эвакуацией на “Большую землю”. Конечно, пожилой ученый не мог участвовать в боевых действиях, зато спас свои рукописи и продолжал работать над ними даже в партизанском отряде.

Если говорить об интенсивности научной работы, то Никольский много написал (более полутора сотен книг и статей), в том числе “Историю русской церкви” [Никольский, 1931] — книгу, которая в течение полувека оставалась для советских читателей основным источником знаний об этом институте русского общества и которую ценили не за ее критические пассажи и прямолинейную концепцию, а из-за богатого фактического материала, удачно расположенного благодаря хорошему знанию предмета. Заметный вклад внес академик и в развитие исторических и этнографических знаний о Белоруссии².

Но ни одна из исторических дисциплин, в которых Николай Михайлович приложил свои силы, не доставила ему столько переживаний, сколько история Древнего Ближнего Востока. Изучение этого периода требовало знакомства с клинописными источниками, и в этой сфере знания, получившей название ассириологии, в России было очень

¹ В знакомстве с марксизмом сказалось влияние М. Н. Покровского, с которым они были дружны. Сохранились сведения, что Н. М. Никольский предоставлял свою квартиру большевикам для явок еще в период первой русской революции, но при этом в партию он вступил только в мае 1945 г. [АРАН, ф. 1619, оп. 1, д. 95, л. 2; Ботвинник, 1967, с. 129].

² Наиболее подробный очерк жизни ученого, опубликованный в Минске к его 90-летию, написан его учеником при непосредственном участии вдовы Н. М. Никольского [Ботвинник, 1967]. Конечно, образ Никольского в нем заметно идеализирован, но одна из причин этого лежит в том, что в становлении исторического образования и науки в Советской Белоруссии он действительно сыграл огромную роль.

немного специалистов. А между тем несколько неожиданно в начале 1930-х гг. эта малопопулярная отрасль знания стала играть важную роль в становлении советского видения истории.

Хотя в “Капитале” Маркса упоминались “древнеазиатские способы производства” [Маркс, 1960, с. 89], а в неопубликованных при жизни автора набросках получило предварительный очерк понятие “азиатская форма собственности”, оно не привлекало особого внимания вплоть до 1920-х гг., когда в Советском Союзе оказалось востребованным в связи с вопросами внешней политики. Находившийся под контролем Москвы Коммунистический Интернационал включил понятие “азиатский способ производства” в свою программу, рассчитывая на то, что это даст возможность оправдать вероятный временный союз с “мелкобуржуазной” партией Гоминьдан в Китае [*Программа и устав Коммунистического Интернационала*, 1932]. Союз этот не сложился, сторонников “азиатского общества” в Китае обвинили в троцкизме, но понятие к тому времени уже вошло в оборот и стало предметом ряда жарких дискуссий.

Первоначально дискуссии касались обсуждения современного Китая, а участвовали в них деятели, связанные с Коминтерном, однако спор постепенно стал перемещаться в глубь веков уже не только китайской, но и вообще восточной истории, а состав участников менялся в пользу все большего количества историков, в том числе тех исследователей Востока, которые только недавно, после долгого выжидания, встали на сторону марксизма. Изменение государственной политики в сфере науки (“Академическое дело”, создание новых, чисто советских научных структур) подтолкнуло их к тому, чтобы сделать окончательный выбор в пользу победителей³. С приходом историков в спорах увеличилась конкретика, а уже в 1930-е гг. их результаты стали играть роль в воссоздании системы исторического образования в стране.

В 1931 г. многим казалось, что дискуссии уже окончены с неплохим результатом для “старых ученых”. Концепция “азиатской собственности” была в целом отвергнута, а большинство исследователей согласились с тем, что восточные общества с самого начала своей истории и до конца средневековья жили при феодальном строе. Дело было в том, что феодальными восточные общества называли в большинстве своем и зарубежные, “буржуазные” историки, конечно подразумевая под этим феодализмом не то же самое, что Маркс (прежде всего — специфическое государственное устройство). Марксизация этой точки зрения представлялась вполне допустимым и почти безболезненным вариантом принятия марксистской методологии, особенно если учитывать тот факт, что большинство исследователей до революции весьма ограниченно погружались в социально-экономическую проблематику, которая теперь стала основополагающим элементом нового исторического нарратива. Это само по себе требовало от них дополнительных усилий по перестройке собственной научной работы.

Но уже в 1932–1933 гг. оказалось, что этот вариант не считается приемлемым для руководства. На базе Государственной академии истории материальной культуры были проведены новые дискуссии, призванные прояснить вопрос о периодизации всемирной истории исключительно с марксистской точки зрения [Формозов, 2004, с. 162–184] и в общем не столько обсудить проблему, сколько “закрыть” ее, сформулировав точные ответы на общие вопросы формационной теории. Особенное внимание востоковедов привлекли выступления в печати и с докладами Василия Васильевича Струве (1879–1965) — “старого” ученого, который в конце 1920-х гг. перешел на марксистские позиции. Он, поначалу поддержанный лишь небольшой частью историков и начальством Академии, заявил, что не следует отделять развитие Востока от развития Запада: восточная история прошла те же стадии, что история Европы, а Маркс, Энгельс и Ленин считали

³ Помимо неплохо изученной ГАИМК можно указать и на пример Комакадемии, особенно интересный с точки зрения того, почему эти структуры часто были неэффективны с точки зрения научной деятельности [Метель, 2016].

древность рабовладельческой эпохой. Опираясь на ряд исторических источников (подобранных, правда, довольно поспешно), Струве утверждал, что феодализм был на Востоке только в средние века, а в древности — рабовладение. Что касается “азиатской формы собственности”, то она, по мнению Струве, означала у Маркса всего лишь раннюю фазу рабовладельческой формации [Струве, 1934(1); Струве, 1934(3); Струве, 1934(4)].

Трактовка была уверенной, но отнюдь не бесспорной. Во множестве рассеянных цитат “классиков” марксистской теории можно было находить разные ответы на вопрос о том, какую же формацию они видели в древневосточных обществах, и рабовладельческих “ответ” вовсе не был очевидным.

Еще менее очевидным было фактическое обоснование. В раннем варианте концепция Василия Васильевича вызвала у специалистов форменное негодование: оказывается, в древнейших обществах, а именно в Шумере, существовало крупное рабовладение, сотни и тысячи рабов трудились в огромных сельскохозяйственных комплексах, таких же, как рабовладельческие латифундии римской эпохи. Первоначально Струве полагал, что эти рабы были по преимуществу военнопленными, но вскоре скорректировал свою позицию, сделав ее более гибкой: возможно, большинство из них были местными крестьянами-общинниками, попавшими в рабство за долги, что не имеет принципиального значения, поскольку шумерские документы XXI в. до н.э. говорят о том, что эти люди трудились весь день и круглый год в поле, их рабочая сила высчитывалась в человеко-днях, и за нее они получали продуктовые выдачи — пайки. В экономическом смысле они были рабами, заключал Струве.

Возмущение новым “открытием” испытал и Николай Михайлович, который к тому времени не только обладал установившимся пониманием восточных обществ как феодальных, но и зафиксировал его в самом первом советском школьном учебнике по древней истории [Никольский, 1933(1)]. Забытая позже страница из истории отечественной педагогики, потом казавшаяся, видимо, почти фантастикой: большим тиражом, вместе с переводами на несколько языков Союза, вышел учебник, в котором древневосточные общества (Египет, Месопотамия и Китай) и античные (Греция и Рим) были отнесены к разным формациям. Это показывает нам, что советская историческая наука, по крайней мере в ряде интересных деталей, могла быть другой и рассмотрение ее истории как безальтернативного движения по единственной линии, при котором все остальные варианты развития были заранее обречены, является не самым лучшим подходом для понимания ее особенностей.

Никольский, судя по первым полемическим статьям [Никольский, 1934(1); Никольский, 1934(2)], был уверен в том, что ему удастся сравнительно легко показать необоснованный и скороспелый характер рабовладельческой концепции, разгромив ее по всем фронтам. Он стремился объяснить читателю, что его оппонент просто неверно читает источники: человекодни, учитываемые круглый год, относятся не к одним и тем же работникам, а к разным, привлекаемым царскими хозяйствами на срочные работы вроде барщины; пайки же в ряде случаев — натуральная оплата труда. Указывал он и на то, что Струве преувеличивает масштаб описываемых им хозяйств, рисуя без достаточных на то оснований огромные латифундии с тысячами рабочих на полях. Что касается Маркса и Энгельса, то они, как полагал Никольский, признавали наличие рабовладения на Востоке, но особого — патриархального, неразвитого, не являвшегося экономическим двигателем древневосточного общества⁴.

Быстрой победы не получилось, как и победы вообще. Во-первых, оппонент последовательно защищался, указывая на то, что Никольский не привел достаточных

⁴ Отмечу, что Никольский не был полностью готов к теоретическому спору: в 1933 г. он признавал, что высказывания Маркса и Энгельса о древневосточных обществах слишком фрагментарны и на них пока невозможно построить ясную теорию. Но ситуация развивалась таким образом, что втягивала ученого в дискуссию [Никольский, 1933(2), с. 114].

доказательств временного характера работы зависимых людей на царское хозяйство в Месопотамии [Струве, 1934(1)]. Во-вторых, численность сторонников рабовладельческой концепции начала расти, и немалую роль в этом сыграло то, что на уровне высшего руководства об особом характере восточной истории ничего не было сказано: так, говоря о древнем мире, Сталин упоминал рабов, но не обмолвился и словом о зависимых крестьянах⁵.

Никольский начал терять позиции: его авторский школьный учебник получил отрицательные отзывы и был заменен другими, переписанными с позиций единой рабовладельческой формации в древности. Правда, поскольку первоначально никто более не был готов браться за написание полностью нового учебника в сжатые сроки (работа по созданию школьных учебников курировалась и подгонялась с самого “верха”), то возникла возможность сохранить его в переработанном виде [Никольский, Ковалев, 1934; Малюгин, 2016(2)]⁶. Следует сказать, что Никольский вообще неохотно шел на компромиссы в вопросах перedelки текста [АРАН, ф. 1619, оп. 1, д. 102, л. 2], и, видимо, уже при создании варианта учебника от 1935 г. [Ковалев, Мишулин, Никольский, Сванидзе, 1935] был от работы с разделом по Древнему Востоку частично отнесен (в переработке его раздела принял участие В. В. Струве). Вышедший же в 1940 г. учебник под редакцией А. В. Мишулина вообще не содержал указаний на авторский коллектив⁷.

Несмотря ни на что, уступая по отдельным моментам, Николай Михайлович продолжал оппонировать Струве практически до последних лет своей жизни. Еще до войны он отказался от определения древневосточных обществ как феодальных, но утверждал, что развитию классического рабовладения на Востоке препятствовали общины, которые, трансформируясь в ходе исторических событий, так и не были побеждены государственной властью. Если Струве считал, что разорение крестьян приводило к формированию широкой прослойки рабов-должников, то Никольский настаивал на том, что долговое рабство на Востоке так и не эволюционировало до классического рабства, сопоставимого с античными примерами [Никольский, 1938; Никольский, 1941].

Борьба с позицией Струве заставила Никольского серьезно мобилизовать свой научный потенциал (правда, показала и его пределы: Николай Михайлович не был шумерологом) и, хотя он не останавливался перед самыми мелкими придирками по отношению к чужой позиции, способствовала отысканию слабых мест в раннем варианте рабовладельческой концепции, даже помогла наметить несколько интересных тем для развития альтернативного взгляда на древнюю историю ближневосточных обществ [Никольский, 1948; Никольский, 1959]. В плане критики Никольский, как и другие оппоненты Струве, верно подметил, что история всех древневосточных сообществ излагалась “победителем”

⁵ Конечно, во многом это объяснялось тем, что под историей древности Сталин, судя по всему, понимал историю Греции и Рима и вообще не учитывал историю древних обществ Ближнего Востока. Но исходить из того, что вожь недостаточно владеет фактическим материалом, никто бы не решился [Крих, 2014].

⁶ В программах учебных заведений в этот период в списке литературы еще мог указываться учебник Никольского в качестве минимального источника информации, как это было в случае с КУНМЗ (Коммунистический университет национальных меньшинств Запада), но с оговоркой о том, что “книга содержит ряд ошибочных и спорных положений”, на которые должен указать преподаватель на основе критики в печати и установок, данных на заседании кафедры в сентябре 1934 г. [РГАСПИ, ф. 529, оп. 3, д. 50, л. 112]. Иными словами, уже к концу 1934 г. учебник был скомпрометирован полностью.

⁷ История работы над учебником по древней истории для школ в 1934–1940 гг. довольно темна. В списке работ Н. М. Никольского, который был опубликован в “Вестнике древней истории”, указывалось, что он был автором первых четырех глав “мишулинского” издания [Список печатных работ академика профессора Н. М. Никольского 1901–1940, 1940, с. 263], но, во-первых, тут есть явная неточность, поскольку четвертая глава учебника была посвящена Индии, о которой Никольский никогда ничего не писал, во-вторых, остается неясной “доля” авторского текста в первых трех главах. Если брать за точку отсчета учебник 1933 г., то можно утверждать, что в первоначальной переработке еще были видны следы логики построения текста самого Никольского, вариант же 1940 г., сохраняя отдельные (второстепенные) фразы, обнаруживает черты, которые роднят его с курсом лекций Струве [Струве, 1934(2)].

по одной упрощенной модели, фактически перенося выводы из месопотамской истории на другие страны [Никольский, 1940].

Уместно задаться вопросом, велика ли была роль личной неприязни в этом противостоянии — прежде всего со стороны Никольского (ведь проигравшие воспринимают противостояние много острее). Насколько позволяют судить некоторые интонации опубликованных работ и неопубликованных (архивных) документов, научная конфронтация для Никольского не была четко отделена от личной. Возможно, это слишком личное отношение даже мешало со стратегической точки зрения. Если его несколько сумбурные выступления в середине 1930-х гг. можно извинить неготовностью к спору с позицией, которая казалась ему откровенно парадоксальной, то “антиструвианские” пассажи 1940-х и 1950-х гг., в которых точно так же смешивались мелкие замечания и существенные выпады, работали уже не против Струве, а против самого их автора. Например, в 1951 г. Никольский написал большую рецензию на первую книгу молодого тогда ассириолога И. М. Дьяконова для журнала “Вопросы истории”, где не отказал себе в удовольствии подчеркнуть, что позиции Дьяконова ближе к его собственным, и вновь указать на коренные недостатки “новой концепции”, — так в 1950 г. была названа концепция Струве в статье Т. Л. Берина, написанной под прямым влиянием Никольского, но неопубликованной [АРАН, ф. 1619, оп. 1, д. 107, л. 1–79]. Не была опубликована и указанная рецензия. Это тот случай, когда решение редакции кажется очевидным: в огромном тексте Дьяконову уделено чуть ли не меньше внимания, чем сведению счетов со Струве [АРАН, ф. 1619, оп. 1, д. 48, л. 49–87].

Не менее примечательным является тот факт, что, хотя Никольский, критикуя Струве, предвосхитил многие тенденции в развитии советской (и отчасти постсоветской) ассириологии, она этого практически не заметила. Рассказ об эволюции древней общины вместо рассказа об эволюции рабства — организующий элемент видения месопотамской истории, которое исповедовал Дьяконов (причем он сам это позднее сформулировал [Дьяконов, 1995, с. 731]). Необходимость дифференцированно рассматривать сведения о рабочей силе древних обществ, не пытаясь приписать всех зависимых работников к одному классу или сословию, запрос на то, чтобы выделить как минимум разные типы развития древневосточных обществ, не излагая их историю “под копирку”, — эти идеи Никольского в основном разделяют и современные историки.

Почему же Никольского не следует считать предтечей современного взгляда на вопросы древней истории? Одна из причин кроется в том, что его авторитет среди ассириологов и в целом востоковедов никогда не был достаточно прочен. Общие идеи могут быть сколь угодно интересными, но в узкоспециальных сферах прочные позиции занимают лишь те, кто может работать с первичным материалом. Струве несколько раз уколол Никольского тем, что, когда речь заходила о шумерских клинописных документах, его оппонент опирался только на уже известный, в том числе самим Струве обработанный материал, не внося от себя ничего нового. Этот упрек был признан другими советскими ассириологами справедливым [Струве, 1947, с. 740, примеч. 22]. Кроме того, общие идеи могут быть сколь угодно интересны, но действительно ценятся только результаты их воплощения. Ведь Струве тоже предлагал деление древневосточных обществ на два основных типа (земледельческий и военный) — и тем не менее критики были правы в том, что это деление не играло большой роли в его работах и не уменьшило схематического однообразия его очерков. Точно так же и Никольский, предлагая часто интересные идеи, либо сам не воплотил их в жизнь, либо сделал это далеко не так убедительно, как можно было бы ожидать.

Вторая причина менее заметна, но не менее существенна. Историки науки, к сожалению, не избегают соблазна мыслить бинарными оппозициями: если противостоял “неправильной” точке зрения, значит, был у истоков “правильной”. Реальная история науки сложнее и, наверное, печальнее. Действительно, ряд идей Никольского вызывает у современного исследователя сочувствие, но если рассматривать проблему комплексно, то

невольно начинаешь задумываться, а так ли уж не повезло отечественному востоковедению в том, что победил Струве, а не Никольский.

Проигрыш — сильное испытание, особенно проигрыш в науке, потому что он не бывает мгновенным и часто даже не бывает полным — обычно ведь от проигравших академиков никто не требует покаяния, просто на склоне лет они могут лишь бессильно наблюдать, как их труды пользуются все меньшим вниманием нового поколения. И конечно, когда ученый чувствует, что проигрывает, он пробует усилить и нередко даже скорректировать свои позиции. Делал это и Никольский, и то, как он это делал, дает ответ на вопрос, почему его позицию вряд ли следует считать предпочтительной альтернативой позиции победителей.

Прежде всего, соревнуясь со Струве, Никольский в некоторых существенных моментах стал даже “более советским” историком, чем его собственный оппонент. Так, начиная с середины 1930-х гг. он не просто обильно употреблял цитаты из “классиков марксизма-ленинизма” (прежде всего из Маркса и Энгельса), но навязчиво именовал многие из них не иначе как “руководящими указаниями”. Он использовал политические ярлыки. Причем если характеризовать в 1934 г. “азиатчиков” как склоняющихся к троцкизму, наверное, было еще морально допустимо — никто не мог предвидеть, как начнут исчезать люди в 1937–1938 гг., то называть Струве “вредителем” в 1937 г. было уже, говоря мягко, не самым лучшим поступком [Никольский, 1937, с. XLVIII, примеч. 3]⁸.

Следует сказать, что в памяти исторического сообщества сложилось отношение к Струве как человеку, который, достигнув вершины академической карьеры, мог весьма существенно ускорить продвижение ученых, входящих в его круг общения, и замедлить карьеру для тех, кто по какой-либо причине был ему неприятен [Формозов, 2004, с. 166]. Ряд фактов (примеры К. К. Зельина, И. М. Лурье, И. М. Дьяконова) свидетельствует о том, что Струве действительно нередко так поступал. Но при этом он избегал политической аттестации своих оппонентов, которая могла повредить людям гораздо серьезнее. Ни в одной публикации Струве мы не находим примеров таких ударов “ниже пояса” с его стороны. Напротив, он оставался в рамках академического спора. В эпоху яростной борьбы за ресурсы и непрерывных подковерных интриг это было достижение. В своих трудах Струве гораздо больше обсуждал проблемы чтения исторических источников, чем понимание взглядов Маркса и Энгельса. Конечно, он не мог не апеллировать к последним, но делал это обычно кратко в начале или в конце своих работ; написав несколько сотен статей, он только одну из них целиком посвятил вопросам марксистской теории [Струве, 1940].

Конечно, прав будет тот читатель, который заметит, что Струве, как победитель, мог позволить себе меньше ссылаться на Маркса в отличие от Никольского, искавшего все возможные способы для ослабления позиций противника. Но мы вправе требовать от ученого искать пользы не только для себя самого, но и для науки в целом. Концентрация на оспаривании достижений оппонента ослабила позитивную программу самого Никольского и завершила его переход на периферию советских исследований древнего мира. О его учебнике не вспоминали в очерках по советской педагогике [Бушик, 1961, с. 277 сл.; *Из опыта создания школьных учебников*, 1981, с. 157], а новые поколения ученых, оспаривая позиции Струве, не ссылались на труды Никольского, в которых были предвосхищены направления их работы [Шарашенидзе, 1986]. Досадно играть спор современнику, но не менее печально, если твои усилия не были оценены даже потомками.

История этой неудачи обладает особой притягательностью. Как мы могли увидеть, ее нельзя отнести к тем случаям, когда роли героев и злодеев четко разведены, а мораль

⁸ Собственно, “вреднейшей попыткой ревизии марксистско-ленинского учения” названа лишь концепция В. В. Струве и С. И. Ковалева, но не нужно думать, будто Никольский жил в башне из слоновой кости и не понимал, к чему могли привести такие обвинения: “К 20-летию юбилею университета В. Н. Перцев и его коллега по историческому факультету Н. М. Никольский остались последними среди профессоров и преподавателей, кто работал в БГУ со дня его основания в 1921 г.” [Малюгин, 2016(1), с. 18].

лежит на поверхности, едва припорошенная тонким слоем второстепенных фактов. Перед нами определенно не история бескомпромиссного отстаивания своей позиции и точно так же не история беспринципной смены ориентиров в зависимости от ситуации; конечно, всегда можно построить рассказ-оправдание или рассказ-обвинение, но оба будут слишком однобоки. Возможно, перед нами рассказ о том, что личный выбор имеет значение во все времена и при любых обстоятельствах, как он имел значение для Н. М. Никольского, когда тот повел свою борьбу. Сложность и неоднозначность принятых им решений, внутренняя противоречивость действующих фигур и плохо скрытые за фасадом научной объективности человеческие страсти — вполне адекватные характеристики советской историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ботвинник М.Б. *Н.М. Никольский*. Минск: Наука и техника, 1967.
- Бушик Л.П. *Очерк развития школьного исторического образования в СССР*. М.: Издательство Академии педагогических наук СССР, 1961.
- Дьяконов И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.: Европейский дом, 1995.
- Из опыта создания школьных учебников и других учебных книг по истории // *Проблемы школьного учебника*. Вып. 9. *О специфике учебников литературы, истории, обществоведения, географии и биологии*. М., 1981. С. 154–165.
- Ковалев С.И., Мишулин А.В., Никольский Н.М., Сванидзе А.С. *История древнего мира. Ч. I. Древний Восток и Греция. Учебник для 5-го класса неполной средней и средней школы*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935.
- Крих С. История одной цитаты: откуда есть пошла “революция рабов” // *Родина*. 2014. № 6. С. 16–20.
- Малюгин О.И. Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В.Н. Перцева // *Вестник БГУ*. Сер. 3. История. Экономика. Права. 2016. № 2. С. 17–19.
- Малюгин О.И. В поисках советского Иловайского (из истории критики учебника по истории древнего мира Н.М. Никольского в 1933–1934 годах) // *Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего*. Нижневартовск, 2016. С. 243–248.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 5–812.
- Метель О.В. Изучение древней и средневековой истории в Коммунистической академии: институциональный аспект (1929–1932 гг.) // *Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы IV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск, 27–28 октября 2016 г.* Омск: Издательство Омского государственного университета, 2016. С. 12–17.
- Никольский М.В. *Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева*. В 2 ч. М., 1908–1915.
- Никольский Н.М. *История русской церкви*. М. — Л., 1931.
- Никольский Н.М. *История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир: учебник для средней школы, 5-й год обучения*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1933.
- Никольский Н.М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1934. № 7–8. С. 207–210.
- Никольский Н.М. К какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока // *История в средней школе*. 1934. № 2. С. 3–11.
- Никольский Н.М. Как я работал над стабильным учебником древней истории // *Народный учитель*. 1933. № 4. С. 114–116.
- Никольский Н.М. *Культура Древней Вавилонии*. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1959.
- Никольский Н.М. Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды // Ранович А. *Очерк истории древнееврейской религии*. М.: ОГИЗ — Государственное антирелигиозное издательство, 1937. С. III–LXXXIV (3–84).
- Никольский Н.М. Община в древнем Двуречье // *Вестник древней истории*. 1938. № 4. С. 72–98.
- Никольский Н.М., Ковалев С.И. Как преподавать древнюю историю в 1934–1935 учебном году // *История в средней школе*. 1934. № 3. С. 39–43.

Никольский Н.М. Рабство в Древнем Двуречье // *Вестник древней истории*. 1941. № 1. С. 45–63.
 Никольский Н.М. *Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье. К истории вавилоно-ассирийского общества в III–I тыс. до н.э.* Минск: Издательство Академии наук БССР, 1948.
Программа и устав Коммунистического Интернационала. 2-е изд. М.: Партийное издательство, 1932.

Список печатных работ академика профессора Н.М. Никольского 1901–1940 // *Вестник древней истории*. 1940. № 3–4. С. 262–266.

Струве В.В. Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (Ответ Н.М. Никольскому) // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1934. № 7–8. С. 211–222.

Струве В.В. *История древнего Востока. Краткий курс*. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

Струве В.В. Марксово определение раннеклассового общества // *Советская этнография: сборник статей*. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1940. Вып. III. С. 5–22.

Струве В.В. Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132–2024 гг. до н.э.) // *Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции*: В 2-х ч. Ч. 2. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 720–742.

Струве В.В. *Очерки социально-экономической истории Древнего Востока*. М. – Л.: Соцэкгиз, 1934.

Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // *Известия Государственной академии истории материальной культуры*. Вып. 77. М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 32–111.

Струве В.В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н.э.) // *Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932*. Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 495–507.

Формозов А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. М.: Знак, 2004.

Шарашенидзе Дж.М. *Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера, 2-я половина. III тыс. до н.э.* Тбилиси: Мецниереба, 1986.

АРХИВЫ/АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

АРАН – Архив Российской академии наук. Москва.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Москва.

НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Москва.

REFERENCES

Botvinnik M.B. *N.M. Nikol'skii*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1967.

Bushchik L.P. *Ocherk razvitiia shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniia v SSSR*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk SSSR, 1961.

Diakonoff I.M. *Kniga vospominanii*. Saint Petersburg: Evropeiskii dom, 1995.

Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki*. Moscow: Znak, 2004.

Iz opyta sozdaniia shkol'nykh uchebnikov i drugikh uchebnykh knig po istorii. *Problemy shkol'nogo uchebnika*. Iss. 9. *O spetsifike uchebnikov literatury, istorii, obshchestvovedeniia, geografii i biologii*. Moscow, 1981. Pp. 154–165.

Kovalev S.I., Mishulin A.V., Nikol'skii N.M., Svanidze A.S. *Istoriia drevnego mira*. Pt. I: *Drevnii Vostok i Gretsiiia. Uchebnik dlia 5-go klassa nepolnoi srednei i srednei shkoly*. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1935.

Krikh S. Istoriia odnoi tsitaty: otкуда est' poshla “revoliutsiia rabov”. *Rodina*. 2014. № 6. Pp. 16–20.

Maliugin O.I. Pervye gody deiatel'nosti BGU v vospominaniiakh akademika V.N. Pertseva. *Vesnik BDU*. Ser. 3. *Gistoriia. Ekonomika. Prava*. 2016. № 2. Pp. 17–19.

Maliugin O.I. V poiskakh sovetskogo Ilovaiskogo (iz istorii kritiki uchebnika po istorii drevnego mira N.M. Nikol'skogo v 1933–1934 godakh). *Iugra, Sibir', Rossiia: politicheskie, ekonomicheskie, sotsiokul'turnye aspekty proshlogo i nastoiashchego*. Ed. L.V. Alekseeva. Nizhnevartovsk, 2016. Pp. 243–248.

Marx K. Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Russian Ed.: Marx K., Engels F. *Sochineniia*. 2nd Ed. Vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1960. Pp. 5–812.

Metel' O.V. Izuchenie drevnei i srednevekovoi istorii v Kommunisticheskoi akademii: institutsional'nyi aspekt (1929–1932 gg.). *Drevnost' i Srednevekov'e: voprosy istorii i istoriografii: Materialy IV Vserossiiskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Omsk, 27–28 oktiabria 2016 g. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. Pp. 12–17.

Nikol'skii M.V. *Dokumenty khoziaistvennoi otchetnosti drevneishei epokhi Khaldei iz sobraniia N.P. Likhacheva*. Pts. I–II. Moscow, 1908–1915.

Nikol'skii N.M. *Chastnoe zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Drevnem Dvurech'e. K istorii vavilono-assiriiskogo obshchestva v III–I tys. do n.e.* Minsk: Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR, 1948.

Nikol'skii N.M. *Istoriia russkoi tserkvi*. Moscow–Leningrad, 1931.

Nikol'skii N.M. *Istoriia. Doklassovoe obshchestvo. Drevnii Vostok. Antichnyi mir: uchebnik dlia srednei shkoly, 5 god obucheniia*. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1933.

Nikol'skii N.M. K kakoi obshchestvenno-ekonomicheskoi formatsii prinadlezhit obshchestvo Drevnego Vostoka. *Istoriia v srednei shkole*. 1934. № 2. Pp. 3–11.

Nikol'skii N.M. K voprosu o rabstve na drevnem Vostoke. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 1934. № 7–8. Pp. 207–210.

Nikol'skii N.M. Kak ia rabotal nad stabil'nym uchebnikom drevnei istorii. *Narodnyi uchitel'*. 1933. № 4. Pp. 114–116.

Nikol'skii N.M. *Kul'tura Drevnei Vavilonii*. Minsk: Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR, 1959.

Nikol'skii N.M. Nekotorye osnovnye problemy obshchei i religioznoi istorii Izrailia i Iudy. In: Ranovitch A. *Ocherk istorii drevneevreiskoi religii*. Moscow: OGIZ – Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo, 1937. Pp. III–LXXXIV.

Nikol'skii N.M. Obshchina v drevnem Dvurech'e. *Vestnik drevnei istorii*. 1938. № 4. Pp. 72–98.

Nikol'skii N.M. Rabstvo v drevnem Dvurech'e. *Vestnik drevnei istorii*. 1941. № 1. Pp. 45–63.

Nikol'skii N.M., Kovalev S.I. Kak prepodavat' drevnuiiu istoriiu v 1934–1935 uchebnom godu. *Istoriia v srednei shkole*. 1934. № 3. Pp. 39–43.

Programma i ustav Kommunisticheskogo Internatsionala. 2nd ed. Moscow: Partiinoe izdatel'stvo, 1932.

Sharashenidze J.M. *Formy ekspluatatsii rabochei sily v gosudarstvennom khoziaistve Shumera, 2 pol. III tys. do n.e.* Tbilisi: Metsniereba, 1986.

Spisok pechatnykh rabot akademika professora N.M. Nikol'skogo 1901–1940. *Vestnik drevnei istorii*. 1940. № 3–4. Pp. 262–266.

Struve V.V. Eshche raz o rabovladel'cheskoi latifundii Sumira III dinastii Ura (Otvet N.M. Nikol'skomu). *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 1934. № 7–8. Pp. 211–222.

Struve V.V. *Istoriia drevnego Vostoka. Kratkii kurs*. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934.

Struve V.V. Marksovo opredelenie ranneklassovogo obshchestva. *Sovetskaia etnografia: sbornik statei*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AS USSR, 1940. Vyp. III. Pp. 5–22.

Struve V.V. Obshchestvennyi stroi Iuzhnogo Mezhdurech'ia v epokhu III dinastii Ura (2132–2024 gg. do n.e.). *Iubileinyi sbornik, posviashchennyi 30-letiiu Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii: v 2 chastiakh*. Pt. 2. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AS USSR, 1947. Pp. 720–742.

Struve V.V. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii drevnego Vostoka*. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934.

Struve V.V. Problema zarozhdeniia, razvitiia i razlozheniia rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka. *Izvestiia GAIMK*. Issue 77. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. Pp. 32–111.

Struve V.V. Rabovladel'cheskaia latifundiia v Sumire III dinastii Ura (ok. XXIII v. do n.e.). *Sergeiu Fedorovichu Ol'denburgu. K piatidesiatiletiiu nauchno-obshchestvennoi deiatel'nosti. 1882–1932*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1934. Pp. 495–507.

INTERNET SOURCES

Никольский Н.М. Рецензия на рукопись учебника истории древнего Востока для вузов под редакцией акад. В.В. Струве. 1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/149112> [дата обращения: 01.05.2017].